

Как личности добродетели и престижа в мире людей, Штормы Восьми Направлений были подобны богам в глазах обычных людей. По словам Су Ли они были восьмеркой бездельников, и нельзя забывать, что в самом начале он сказал, что Чжу Ло был старым ублюдком. В этом не было ничего особенного, но по тону его голоса казалось, что у него были навыки, чтобы убить каждого из верховных экспертов континента. Это было действительно слишком высокомерно и самодовольно, даже если он был легендарным Младшим Боевым Дядей Горы Ли. Все присутствующие люди, которые услышали эти слова, чувствовали, что это было чересчур, даже было абсурдно.

На лице Чжу Ло не было никакого высмеивания, которое могло появиться из этого абсурда, как и не было злости. Его лицо все еще было безразличным. Как у главы Секты Отсечения Мира, его сердце Дао отсекало эмоции и уничтожило его характер. Это не значило, что он был brutальным и бессердечным, а скорее, что он был подобен яркой луне, сияющей над заснеженными равнинами, одинокой и чистой, холодной и абсолютной. свободной от внешних вещей.

Он посмотрел на Су Ли и заявил: «У тебя больше нет такой возможности».

Да, Су Ли вот-вот умрет. Независимо от того, мог ли он на своем пике убить Штормов Восьми Направлений или даже быть угрозой Пяти Святым, он был на грани ухода из этого мира. Результат уже невозможного развития событий лишь мог оставаться тайной, которая исчезнет в длинной реке истории.

Но Су Ли не думал подобным образом. Он посмотрел на Чжу Ло и сказал: «Подожди, пока я восстановлюсь от моих ран. Первое, что я сделаю, это отправлюсь в город Ханьцю и убью тебя».

Он сказал эти слова очень безразлично, как будто он даже не знал, что Чжу Ло пришел, чтобы убить его, как будто он не знал, что город Сюньян будет местом, где будет похоронено его тело, как будто он вернется в Гору Ли в следующий миг.

Длинные волосы на плечах Чжу Ло покачнулись на ветру, и в тоже время его брови поднялись. Наконец-то появился признак высмеивания.

«Это неверно, я не должен идти в город Ханьцю, чтобы убить тебя... скорее, я должен пойти в город Ханьцю и убить всю твою семью».

Су Ли подкорректировал себя. Затем он повернулся к Ляну Вансуню, который был перед толпой, и сказал: «В этот раз я воспользуюсь моим прошлым опытом и научу тебя не совершать такие ошибки вновь».

«Господин, подобный способ ведения вещей - это неправильно».

Чэнь Чаншэн держал вожжи. Он повернул голову к Су Ли и сказал эти слова. Да, такая вещь, как убийство всей семьи человека, была действительно неправильной. Даже срезание травы, оставляя корни, значило, что было возможность, что когда-то там пройдет огромный пожар.

В течение их путешествия на юг Су Ли думал, что получил очень хорошее понимание этого паренька по имени Чэнь Чаншэн. Но сейчас он осознал, что не совсем понимал его. Спустя миг молчания он засмеялся и сказал: «Тогда я не буду убивать всю его семью, а только его».

Это казалось шуткой, но в действительности это всегда было шуткой.

Су Ли вскоре умрет, но он говорил о том, как в будущем он убьет всю семью Чжу Ло. Как у него даже могло быть будущее?

Чжу Ло посмотрел на него и серьезно сказал: «Когда ты близок к тому, чтобы покинуть мир, ты можешь хоть раз просто вести себя серьезно?»

Ранее епископ города Сюньян, Хуа Цзефу, сказал что-то подобное Чэнь Чаншэну:

«Спокойно встречать смерть - это вести себя серьезно? Тогда мне не нравится вести себя серьезно. Если у меня будет шанс выбрать смерть на поле боя среди нескончаемых гор или смерть в комфортной постели в объятиях красавицы, я определенно выберу второе».

Су Ли продолжил: «Теперь, когда я говорю об этом, я действительно не понимаю, ради чего вы, старые дураки, продолжаете жить... Если это ради выгоды, я не вижу, какую выгоду вы получите из этого. К тому же, как я смотрю, вы в довольно жалкой ситуации. Все же, это Графство Тяньлян... Те старые дураки могут скрываться в своих пещерах, но в столице тебе не скрыться нигде».

Чжу Ло замолчал на несколько мгновений, а потом сказал: «Есть кое-какие дела, которые должны быть решены».

От начала до конца у этой могущественной личности Графства Тяньлян, этого человека добродетели и престижа, не было намерения появляться в городе Сюньян. Он не желал лично убивать Су Ли, по крайней мере, две его руки не могли быть запятнаны кровью Су Ли.

Но появился Ван По, его клинок рассек заснеженное небо, и толпа героев была вынуждена отступить. Теперь он был вынужден появиться.

Су Ли насмешливо сказал ему: «Тогда думал ли ты когда-нибудь, как ты решишь будущие проблемы? На юге есть много людей, которые хотят моей смерти, но как ни посмотри на это, я - идол на юге. Если твои руки будут запятнаны кровью, твоя семья Чжу и Секта Отсечения Мира понесут злость южан. Ты психологически приготовил себя к этому?»

Чжу Ло ничего не говорил. Сердце Дао у такого человека, как он, не могло быть очернено мирскими делами. Как он мог неверно взвесить ситуацию? Но все было точно так, как он и сказал: так как это дело происходило в Графстве Тяньлян, он был вынужден прийти и решить его.

«Хоть ты и прожил несколько столетий, в конце концов, тебя по-прежнему другие люди используют в качестве клинка».

Су Ли с симпатией смотрел на него: «Как твоя мать могла родить такого идиота? Как только твоей отец в подземном царстве узнает о твоём решении в этот день, которое приведет к постепенному падению семьи Чжу, будет ли он сожалеть, что породил такого идиота?»

Его речь была язвительной и резкой, каждое слово - порицающим, но не потому, что эти слова были бранью - скорее потому, что они правдиво били точно в цель. Слова, которые были истиной, были подобны мечам. С навыком Су Ли, даже если сердце Дао Чжу Ло было зафиксировано, как огромный камень, позади все же останутся отметины.

Чжу Ло смотрел на ослабленного мужчину на лошади, настолько слабого, что он еле мог поднять руки: «Обильно текущая река разделена на два берега. Даже если смотреть и не говорить, все равно надо выбрать сторону».

Это были слова о Су Ли, о желании всего континента убить Су Ли.

Около десяти лет назад после кровавого случая Ортодоксальной Академии Великая Чжоу была во внутреннем перевороте. Секта Долголетия объединила силы с Домом Лян, желая вторгнуться на север. Но Су Ли не желал допустить этого настолько, что даже использовал один меч в руке, чтобы полностью уничтожить весь план. За последние несколько сотен лет, как Божественная Императрица Тяньхай, так и Поп, - оба хотели объединить север и юг. Но Су Ли был против. Полагаясь на один меч в руке, он стоял перед югом и сделал невозможным продвижение великих сил.

В этих двух делах, независимо от того, что Су Ли выбрал, он никогда не был ввязан в рискованную ситуацию. Затем, наоборот, казалось, как будто он совсем не выбирал. Его позиция была невероятно гордой и ясной: «Я как крепкий камень, стоящий посреди великой реки. Я как ряска, позволяющая воде проходить сквозь меня. Я - Су Ли. По какой причине я должен выбирать берег?»

Чжу Ло решил сделать заключение своих слов: «Гора Ли продолжит существовать, но это уже будет без тебя».

Это было уважение, а также заявление.

Улицы города Сюньян были абсолютно тихими. Постепенно собирались темные облака, и капли дождя вновь начали медленно капать.

«Будет ли Гора Ли без меня все еще Горой Ли?»

Су Ли невыразительно посмотрел на юг, с тяжелым сердцем думая о том, что происходило в Горе Ли в этот самый момент.

Это не было надменное заявление, это было беспокойство.

Весь континент принимал Су Ли за Гору Ли, но сам он не считал подобным образом. С тех пор, как он попал в Секту Меча Горы Ли в детстве, он понимал, что Гора Ли обладала душой и духом меча. Но оставался факт, что в течение последних нескольких столетий он стал той молодой сосной на пике Горы Ли, давая тень и защиту ученикам Секты Меча Горы Ли. Если его не станет, что случится с Горой Ли? В Горе Ли должно что-то происходить, но что? Смогут ли ученики Горы Ли продержаться? Это была единственная вещь, которой он был озабочен в данный момент.

«В конце концов, я не ровня Черной Робе... в этом аспекте».

Су Ли отвел свой взгляд и вновь взглянул на Чжу Ло: «Хоть он не убил так много людей, как я, он в действительности знает намного больше о темной стороне человеческой натуры, чем я. Божественное королевство все еще вздымается красной пылью царства смертных, и он очень хорошо понимает сердца вас, стражей мира людей, но понимаете ли вы, что делаете?»

Чжу Ло ответил: «Бывают времена, когда река истории должна отступить, прежде чем у нее будет достаточно сил, чтобы сделать толчок вперед».

«Чтобы сопротивляться внешним угрозам, сначала надо стабилизироваться изнутри? - Су Ли посмотрел на него и ухмыльнулся, - Тогда не достаточно ли будет тебе посоветовать тем людям из Имперского клана Чэнь перестать думать о становлении императором? Или, может быть, ты можешь посоветовать Тяньхай добровольно отречься от престола?»

Чжу Ло молчал, а затем зачитал строку из классики Даосских писаний, за которой стоял глубокий смысл.

«Я правда презираю таинственное и божественное поведение, которые вы любите выставить напоказ».

Су Ли просто не заботило, насколько глубокой была правда в этой части Даосских Канонов. «Это определенно невесело».

«Это и правда невесело».

Сяо Чжан, который не говорил в течение всего этого времени, сильно покачал головой. Белая бумага на его лице, которая промокла от дождя, развевалась в стороны, звуча, как будто кому-то давали пощечины. Сяо Чжан затем развернулся и с копьём на спине начал идти к другому концу улицы.

Он пришел в город Сюньян, чтобы убить Су Ли. Теперь кто-то пришел, чтобы убить Су Ли, и Су Ли определенно умрет, так зачем ему надо было оставаться тут? Убийство такого человека, как Су Ли, было довольно значительным, даже если он был настолько тяжело ранен, что не мог ответить, но видеть, как он умирает, не было интересно.

Лян Вансунь не уходил, как и те несколько сотен других культиваторов. Они стояли во все более тяжелом дожде, молча глядя на этих людей на улице. Они хотели подождать и посмотреть, как Су Ли умрет.

Су Ли гладил шерсть лошади, на которой сидел, а затем сказал: «Вы можете идти».

Эти слова, совершенно очевидно, были направлены на Чэнь Чаншэна и Ван По. Хотя он питал отвращение к таким идеям, как спокойное приветствие смерти и возвращение к морю звезд, в конце концов, он должен был сохранить немного своего статуса. Ведь он был Младшим Боевым Дядей Горы Ли.

Как человек проживал свою жизнь? Это был вопрос, о котором Су Ли думал много раз, но в конце концов он так и не нашел ответа. Подавляющее количество времени он полагался на своё любимое и нелюбимое, чтобы направлять свое поведение. Но насчет того, как человек должен закончить свою жизнь, он уже давно пришел к решению.

Умереть от рук одного из Штормов Восьми Направлений, хоть это и сильно отличалось от того, что он представлял, все же было чем-то, что он мог неохотно принять.

Держа вожжи лошади, Чэнь Чаншэн опустил голову и молча смотрел, как капли падают перед его обувью.

Теперь, когда всё дошло до такой ситуации, уже не было смысла в том, чтобы делать что-то еще. Этот мир хотел убить Су Ли, и человек в конце этой дождливой улицы был одним из верховных экспертов мира. Насколько бы быстрым и сильным не был его кинжал, он не сможет заблокировать его.

Ван По тоже ничего не говорил.

Но он начал закатывать рукава.

Его действия были очень медленными, очень сосредоточенными, очень осторожными.

Он закатил рукав правой руки до локтя.

Благодаря этому он сможет орудовать клинком чуть быстрее.

Лицо Су Ли стало немного холодным.

Ранее, когда он сказал те резкие слова, заявляя, что такой Шторм Восьми Направлений, как Чжу Ло, хотел убить такого юниора, как Ван По, он делал это, чтобы защитить жизнь Ван По... на его руках было много крови, так что Чжу Ло мог найти много отговорок, чтобы убить его, но убийство Ван По было другим. Без достаточно основательной причины любое действие, предпринятое против Ван По, можно объяснить, как зависть к юниору и его навыкам, потому что он не хотел, чтобы шокирующе талантливый юниор заменил его. Назло общим интересам человечества он с грустью станет убийцей.

Пока Ван По не принимал никаких действий, Чжу Ло ничего не мог с ним поделать под наблюдательными глазами этих нескольких сотен культиваторов. Вполне может быть, что он и другие Восемь Штормов должны будут убедиться в жизни и безопасности Ван По на короткое время после этого.

Но у Ван По не было никакого намерения уступать путь.

Он закатил рукава и показал свои руки, готовясь атаковать.

Дождливая улица стала даже более тихой.

Су Ли молча смотрел на Ван По.

Чжу Ло молча смотрел на Ван По.

Ван По вел себя, как будто он ничего не знал. Он начал полировать свой клинок рукавами. Его лицо было спокойным и сосредоточенным, а его действия - медленными и серьезными.

Чжу Ло вдруг начал смеяться, потому что наконец-то был действительно рассержен.

Его злобу нельзя было почувствовать по его улыбке, но город Сюньян мог отчетливо ее чувствовать.

Облака в небе опустились еще ниже, и дождь вмиг превратился в ливень.

Это было августейшее величие Божественного Домена, подобное мощи небес.

Затем его улыбка исчезла и он бесстрастно сказал Ван По:

«Ты... собираешься напасть на меня?»